

Н.С.Лесков. По поводу крейцеровой сонаты

Собрание сочинений в 11 томах. Т. 9

Государственное издательство художественной литературы, М.: 1958

OCR Маханов Т.Т.

Всякая девушка нравственно выше мужчины, потому что несравненно его чище. Девушка, выходя замуж, всегда выше своего мужа. Она выше его и девушкой, и становясь женщиной в нашем быту.

Л. Толстой.

I

Хоронили Федора Михайловича Достоевского. День был суровый и пасмурный. Я в этот день был нездоров и с большим над собою усилием проводил гроб до ворот Невского монастыря. В воротах произошла большая давка. В тесноте раздались стоны и крики. Драматург Аверкиев показался на возвышении над толпой и что-то кричал. Голос у него был громкий, но разобрать слов было невозможно. Одни говорили, что он учреждает порядок, и хвалили его за это, а другие на него сердились. Я остался в числе тех, которых не пропустили в ограду, и, не видя цели оставаться здесь долее, возвратился домой, выпил теплого чаю и уснул. От холода и разнородных впечатлений я чувствовал себя очень уставшим и спал так крепко и долго, что не встал к обеду. Обеда мне в этот день так и не пришлось есть, потому что к сумме разнородных впечатлений неожиданно прибавилось еще одно новое, весьма меня взволновавшее.

В густые сумерки меня разбудила моя девушка, сказав мне, что ко мне пришла какая-то незнакомая дама и не хочет уходить, а настойчиво просит, чтобы я ее принял. Дамские посещения к нашему брату, пожилому писателю, вещь довольно обыкновенная. Немало девиц и дам ходят к нам просить советов для их литературных опытов или ищут у нас какого-нибудь содействия в устройстве их дел с незнакомыми редакциями. Поэтому приход дамы и даже ее настойчивость меня нисколько не удивили. Когда горе велико, а нужда неотступлива – не мудрено сделаться и настойчивым.

Я сказал девушке, чтобы она попросила даму в кабинет, и сам стал приводить себя в порядок. Когда я вошел в свой кабинет, на большом столе была зажжена моя рабочая лампа. Она сильно освещала стол, но комната оставалась в полумраке. Незнакомая дама, сделавшая мне на этот раз визит, была мне действительно незнакома.

Когда я отыскал ее глазами и хотел ее просить сесть в кресло, мне показалось, что она как будто избегает освещенных мест комнаты и старается держаться в тени. Это меня удивило. Особы, мало застенчивые, неопытные, иногда церемонятся и стесняются таким же образом, но удивительнее всего мне показалось ажитированное состояние этой дамы, которое мне как-то чувствовалось и сообщалось. Она была одета прекрасно, скромно, на ней было все дорогое и изящное: прекрасное плюшевое пальто, которое она не сняла в прихожей и в котором оставалась все время, пока говорила со мной; черная изящная шляпочка, очевидно парижской модели, а не русского производства, и черная вуалетка, сложенная вдвое и завязанная назади так, что я мог видеть только белый круглый подбородок и иногда сверкание глаз сквозь двойную сетку вуали. Вместо того чтобы назвать себя и сказать цель своего прихода, она начала с того, что сказала мне:

– Могу ли я рассчитывать на то, что вам нет никакого дела до моего имени?

Я отвечал ей, что она на это вполне может рассчитывать. Тогда она попросила меня сесть в кресло перед лампой, бесцеремонно подвинула зеленый тафтяной кружок на абажуре лампы так, что весь свет падал на меня и затемнял ее лицо, и сама села по другой бок стола и снова спросила:

– Вы одинокий?

Я отвечал ей, что она не ошибается: я – одинокий...

– Могу ли я говорить с вами совершенно откровенно? Я отвечал ей, что если она питает ко мне доверие, то я не вижу, что мешает говорить так, как ей угодно.